

Из переписки В.Ф. Ходасевича с Мережковскими

(Вступ. ст., публ. и коммент. Н.А. Богомолова)

Опубликовано в журнале:

"НЛО" 2008, No 90

Этих корреспондентов сегодняшнему читателю представлять было бы смешно. И Владислав Ходасевич, и Д.С. Мережковский, и З.Н. Гиппиус относятся к числу тех, кто постоянно оказывается в поле зрения сегодняшнего литературоведения, независимо даже от того, идет ли речь об их жизни и творчестве в России до 1919 (или 1922) года, или же об эмигрантском периоде, к которому и относятся публикуемые письма. Более того, хорошо известны письма Гиппиус к Ходасевичу, давно опубликованные, хотя и без должных комментариев¹.

Однако что случилось с большинством ответных писем, мы не знаем. Мало того, в архиве Н.Н. Берберовой сохранился сделанный ее рукою перечень писем Ходасевича к Гиппиус, в котором перечислено 43 письма², -- но сами эти письма почти совсем неизвестны. Нет у нас сведений и об остальной переписке Ходасевича с Мережковскими. Об этом, конечно, остается лишь горько пожалеть.

Но вместе с тем и публикуемые письма дают возможность проникнуть на те уровни литературы и эмигрантской журналистики, которые до сих пор были от нас закрыты или полузакрыты и потому требуют тщательного восстановления контекста.

По большей части это сделано в комментариях, однако представляется резонным все же сказать несколько слов о тех темах, которые в них поднимаются.

Первая тема возникает в конце лета 1926 года, но касается ситуации несколько более ранней. В различных центрах русского рассеяния по крайней мере с 1922 года существовали "союзы возвращения на родину". Однако в сколько-нибудь авторитетной эмигрантской печати (прежде всего в газете "Последние новости") довольно широкая кампания, получившая название "возвращенчества", дала о себе знать лишь осенью 1925 года. Ходасевич связывал ее с провокацией ГПУ, которое, пользуясь истекавшим как раз тогда трехлетним сроком со времени так называемого "философского парохода", решило выманить из-за границы в Россию как можно большее количество эмигрантов. Еще весной он писал М.М. Карповичу: "Эта штука для меня глубоко неприемлема. <...> Помочь русскому народу, работая с большевиками, нельзя, ибо они сами "работают" ему во вред. Всякое сотрудничество с советской властью -- по существу, направлено против русского народа"³. Но в то время он не решался выступить против возвращенцев печатно: "Бурцевские лавры меня не манят, да у меня для этого нет ни знаний, ни умения, ни охоты. Но "про себя" знаю -- и соответственным образом все возвращенческое отвергаю"⁴. Последней каплей оказалось опубликованное в августе 1926 года скорбное письмо Горького о смерти Дзержинского. После этого Ходасевич счел себя вправе огласить известные ему факты о причастности ближайшего горьковского окружения к провокации. Он написал статью "К истории возвращенчества" и решал, что с нею делать. Об этом -- первое письмо к Гиппиус, слегка затрагивается тема и в первом письме Мережковского к Ходасевичу.

Остальные пять писем Мережковского написаны осенью 1927 года. Общественную ситуацию того времени определяло несколько важнейших событий, сейчас потерявших остроту, а тогда весьма живых. С одной стороны, это ряд получивших известность попыток диверсиями и террором вмешаться в жизнь Советского Союза: 3 июня была предпринята попытка взорвать общежитие ОГПУ в Москве, 7 июня на Главном вокзале в Варшаве был убит полпред СССР в Польше Войков, в тот же день в СССР было совершено еще два крупных теракта. В ответ на это 10 июня было объявлено о расстреле давно уже задержанного при переходе границы кн. П.Д. Долгорукова и его группы. Эти события, произошедшие почти одновременно, и подтолкнули газеты к обсуждению вопроса о том, есть ли в России дееспособная вооруженная оппозиция. Приходилось признать, что -- нет. Окончательное публичное разоблачение "Треста" пришлось как раз на осень 1927 года⁵.

Почти в то же время появилась декларация местоблюстителя патриаршего престола митрополита